

Узнать по глазам. Истории о том, что под каждой маской бьется доброе и отзывчивое сердце

Автор:

Ярослав Соколов

Узнать по глазам. Истории о том, что под каждой маской бьется доброе и отзывчивое сердце

Ярослав Андреевич Соколов

Как это было? Медицинские открытия, исторические факты, роковые совпадения и неожиданные закономерности

В один день весь мир поставили на «паузу», и мы все оказались героями фильма про жизнь после разрушения. Мы были заперты в своих квартирах, домах, в самих себе. И пока мы боролись с новым распорядком, были те, кто боролся за жизни, те, кто во время пандемии продолжал делать свою работу: врачи, медсестры, волонтеры. Они стесняются называть себя героями, но только их глаза, которые было видно из-под масок, дарили надежду. Эта книга – лакмусовая бумажка на непростом для всех этапе жизни. Здесь собран концентрат чувств, эмоций, боли и любви. Настоящие истории о настоящих людях: инвалид-колясочник, который развозил адресную помощь, врач, который одним добрым словом вернул человеку самоуважение, люди, которые не смогли остаться в стороне и приняли решение помогать. Пока они есть – мир точно не рухнет.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Ярослав Соколов

Узнать по глазам. Истории о том, что под каждой маской бьется доброе и отзывчивое сердце

© Соколов Я. А., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается всем военнообязанным и «заклятым добровольцам». Всем, чьи глаза дарят надежду

Предисловие. От автора

С момента, когда началась самоизоляция в Москве, и до того дня, когда мне позвонили из издательства «Эксмо» и предложили написать книгу, посвященную коронавирусу, прошло чуть больше месяца. На самом деле это предложение не стало для меня чем-то неожиданным, скорее поразило доверие, которое оказало мне издательство, выбрав меня в качестве автора книги на самую острую тему. Но сама последовательность событий ничуть не удивила. Скажу даже больше: я был уверен, что это случится. И вот почему.

У меня под окнами, как, думаю, и у большинства читателей, живущих в бетонных зиккуратах московских многоэтажек, парковка, напрочь заставленная машинами. И вот в один день все эти машины не уехали стоять в пробках. Они остались на своих местах. И на следующий день тоже. И через день. И, казалось бы, велика потеря, ну не уехали и не уехали – в чем проблема-то? Но по факту именно это и оказалось самым страшным для людей вокруг. Помните фильм «Матрица», который заявил, что мы все лежим в неких ваннах, к нашей голове подключен провод и нам транслируют картинки, которые мы и принимаем за реальность? Если использовать терминологию фильма, то вдруг картинку

перестали менять, она остановилась, зависла, в системе произошел какой-то сбой, и развеселый фильмец вдруг застыл на одном кадре, в котором ничего не происходило. Мы вдруг все остались дома, время застыло, ничто вокруг больше не менялось, весь привычный ритм жизни, когда мы мчались в свои офисы, стучали по клавишам клавиатур, пили кофе в перерывах, дружно ходили на бизнес-ланчи, стояли в пробках, ходили по магазинам, вдруг замерло. Картинка больше не менялась. Это состояние назвали «Пандемия страха». Потому что никто не знал, что делать. Я говорю не про медицину, а про тотальное большинство людей, оказавшихся вдруг лицом к лицу со страшным вопросом – что будет дальше, когда все вдруг замерло. У нас вдруг оказалось много времени подумать. И... именно это и оказалось страшным. Потому что мы не просто стали несчастными. Мы ими и были. Просто предпочитали закрывать на это глаза, упиваясь просмотром картинок, которые нам показывают. Тень, от которой мы бежали, вдруг настигла нас жесточайшим образом.

Я помню, как осознал это. И буквально на следующий день мне предложили написать книгу. Казалось, что кто-то почувствовал мои ощущения и предложил поделиться ими.

Я специально начал не с медицинских данных о том, как опасен коронавирус, а именно с описания ситуации, которая сложилась во всем мире. Мир был в опасности не только с точки зрения того, что к нам ворвалась доселе неизвестная болезнь, которую никто не знал, как лечить, но и потому, что привычный мир, по сути дела, рухнул.

И знаете что? Я отказался писать книгу о коронавирусе. На момент моего разговора с издательством все заголовки всех СМИ ежеминутно выдавали тонны информации о пандемии, и писать еще и книгу об этом не представлялось мне интересным, а главное, нужным хоть кому-то. Хотя, безусловно, можно было бы вполне себе сделать имя на этой теме, но, повторяюсь, мне это представлялось и представляется не очень интересным. Я отказался писать книгу о коронавирусе, но решил написать книгу о том, что с нами всеми происходит, о том, где мы вдруг оказались, о том пресловутом состоянии, когда картинка зависла. Моя мотивация была следующей: перед всем человечеством встали вопросы, на которые мы должны ответить, и от правильности наших ответов зависит наше будущее как вида как цивилизации, как *homo sapiens*.

Скажу честно, я не люблю, когда меня называют писателем. И сам себя таковым не считаю. Я волонтер от литературы. Именно чувство долга, обязанность,

ответственность двигали мной, когда я решил сделать эту книгу. Моей задачей было предложить хоть какой-то ответ людям, которые вдруг оказались в страшной, неведомой ранее ситуации. Просто чтобы было над чем подумать и, мне был очень хотелось верить, сделать свою жизнь и наш мир лучше. Именно этому и посвящена книга, которую вы держите в руках.

После осознания того, что я должен и обязан сказать об этом, встал вопрос: где же взять информацию? О чем писать? Несмотря на то что информации по коронавирусу было предостаточно – буквально из каждого утюга неслись новые цифры по заболевшим, комментарии экспертов, прогнозы экономистов, размышления аналитиков о том, как изменится мир, – все это было не то. Повторюсь, я не хотел писать о коронавирусе. Мою книгу можно считать посвященной коронавирусу с тем же успехом, как и «Войну и мир» воспринимать как военную журналистику. Пандемия – всего лишь декорации, на фоне которых необходимо было поднять важнейшие, на мой взгляд, вопросы, рассказать о том, что случилось с нами и миром.

Таким образом, вся информация в открытых источниках не могла быть хоть сколько-нибудь полезной для моей идеи. Решением стало выйти в пекло, «красную зону», на линию фронта, чтобы увидеть все своими глазами и постараться осмыслить происходящее через общение со множеством участников событий.

За месяц мне удалось записать более тридцати интервью с самыми разными людьми: врачи скорой, врачи работающие в больницах, иммунологи, инфекционисты и многие другие. Как Сталкер из одноименного фильма Андрея Тарковского, я буквально исследовал «зону», «красную зону». Если кто-то не знает, что это такое, то расскажу. Впрочем, даже если вы читали в СМИ об этом понятии, вы все равно о нем ничего не сможете узнать, пока не побываете там. «Красная зона» – это линия фронта. И каждый там – солдат, который сражается за будущее планеты Земля. Проблема только в том, что враг невидимый. Его нельзя рассмотреть в бинокль, определить дислокацию, выработать стратегию и тактику ведения боя. Здесь не действуют законы логики, теории вероятностей и тому подобные скучные попытки рационализировать вселенский хаос. Как говорили герои фильма «Сталкер»: «А далеко до этой Комнаты? – По прямой – метров двести. Да только тут не бывает прямых». Там работают люди, у которых есть дети, жены и мужья, желание купить новую машину, съездить в отпуск за границу, посидеть в хорошем кафе и вкусно поесть, поспать лишний часик, – это все у них есть по той простой причине, что они люди. Но помимо стандартного

набора базовой комплектации обывателя у них есть еще кое-что: острая необходимость сделать этот мир лучше. В «красной зоне» нет места философским рассуждениям об относительности всего, нет места мыслям, которыми озабочены почти все: как бы сделать так, чтобы твои доходы были значительно выше расходов – нет там и обезумевшего потребления, которое ведет обывателя по жизни, навязывая ему необходимость покупать каждый год смартфон новой модели. Там вообще все очень просто: есть жизнь и есть смерть. Есть невидимые лапы, вцепляющиеся в глотку и душащие людей. Задача понятна: отбить каждого у этого неведомого чудовища. На самом деле так происходит всегда, это не то, что случилось во время пандемии, нет. Это обычная работа любого доктора. Он всегда на войне, всегда на линии фронта. Просто война бывает вялотекущая, когда обе стороны сидят в окопах и перестреливаются, а бывает, что враг вдруг всеми силами начинает массовое наступление, используя все ресурсы, все оружие, которое у него есть. Наступление обычно локально. И эта локализация и называется «красная зона». Здесь есть только «жизнь» и «смерть». И все, даже самые незначительные, незаметные действия, слова, фразы, направлены на то, чтобы жизнь восторжествовала.

Описанная мной картина не была бы полной – даже наполовину – без еще одной важной части, которая составляет «красную зону». Я говорю о волонтерах, о добровольцах, принявших для себя единственное возможное решение: быть на передовой сражения со смертью. Давно, когда я был маленьким, мой дедушка рассказывал, как в 1941 году, когда ему было лет двенадцать, когда немцы стояли под Москвой, он со своими товарищами по двору принял решение: когда немец пойдет на город, они выйдут на улицу и будут всеми доступными средствами отбиваться, пока не погибнут. Когда я слушал это, мне казалось, что это так давно было, что такого больше не случится, что это все дела минувших дней. Чуть повзрослев, я стал воспринимать эту историю смешной: ну о чем может идти речь, что может сделать стайка подростков на улице против наступающей армии вермахта? Камнями в них покидать разве что. Но когда я стал работать над своей книгой, общаться с волонтерами, которые пошли работать в «красную зону», я вдруг понял, как же я ошибался, смеясь над историей моего дедушки. Эта история – не дела минувших дней, это реальности сегодняшнего дня. А уж о том, что могут противопоставить дети идущему на них танку, – и говорить не приходится. Общение с волонтерами убедило меня в том, что могут, и еще как могут. Потому что камень, брошенный этой детской отчаянной ручкой, вдруг каким-то чудесным образом оказывается намного сильнее любой гранаты, мины, бомбы. И танку точно несдобровать. Я бы даже сказал, что победа русского народа в Великой Отечественной войне во многом

состоялась именно благодаря этой детской ручке. К сожалению, чтобы понять это, мне потребовались годы. И если бы не моя встреча с волонтерами, не погружение в их жизнь и деятельность, боюсь, осознание этих важнейших, фундаментальных вещей так и не пришло бы ко мне.

Волонтер – это не хобби, это не профессия. Волонтер – это не способ проводить свободное время. Волонтер – это видение мира, способ взаимодействия со вселенной. Это когда ты не ставишь перед собой вопрос «как?» просто потому, что у тебя есть четкое понимание «зачем». Слово «волонтер» – производное от латинского *voluntas* – воля, то есть волонтер – это каждый, кто навязывает свою волю внешним обстоятельствам. Волонтер – это всегда «вопреки». Тут нет места оправданиям, поправкам на «не могу», «это очень сложно» и «что я один-то могу сделать?», тут есть только идея сделать этот мир лучше. Волонтер – это форма счастья. Когда ты все свои внутренние принципы и убеждения проецируешь на мир внешний. Условно ты уверен, что брошенные животные – это ужасно, ты берешь и открываешь приют. Считаешь, что дети-сироты лишены любви, – едешь в детский дом и покупаешь им целый мешок сладостей. Считаешь, что мусорить плохо, – берешь и в вагоне метро поднимаешь фантик с пола. Масштаб твоего действия не важен. Важно само действие. Делай то, что тебе по силам. «Делай, что должно, и будь что будет».

Волонтеров и медиков легко узнать. Узнать по глазам. Они дарят надежду. Впрочем, узнать их дано не каждому. Большинство пройдет мимо и не отличит их из толпы. Узнают их, как правило, только те, у кого нет никакой надежды. Не плохие, а несчастные. И то на время своего несчастья. Потом в большинстве случаев предпочитают забыть. Помните, как в разгар пандемии вдруг по городу стали появляться плакаты, рассказывающие о врачах и волонтерах? Спрашивается, а раньше-то почему их не было? Почему раньше там висела щедро оплаченная реклама? Что, раньше никто не болел, не умирал, не страдал? Пройдет пандемия, и снова на билбордах появятся селебрити со своими голливудскими искусственными улыбками, советующие нам купить превосходную бытовую технику, а портреты врачей и волонтеров снимут. До когда-нибудь. И если так произойдет, то можно сказать, что мы ровным счетом ничего не поняли, ничему не научились в это страшное время пандемии. Мы просто перетерпели, чтобы вернуться к такой же беззаботной, разухабистой жизни, какая была прежде; мы остались такими же, не став сильнее. И это фактически означает, что мы обречены. Если из такой катастрофы, из такого страшного события, как пандемия коронавируса, мы не сделали выводов для изменения наших жизней – значит, этот пир во время чумы будет продолжаться и дальше. И вся наша история, весь этот так называемый прогресс, все шедевры

мирового искусства и литературы – вообще всё! – было зря. Ведь мы все равно потонем в пучине собственного жирного и счастливого потребления. И именно чтобы остановить это движение поезда под откос, я решил писать эту книгу. Потому что вдруг понял, что я тоже волонтер. От литературы. Каждый делает, что может. Я могу писать, это мое оружие, мой камешек, который я хочу бросить в надвигающийся фашистский танк. И я примкну к тысячам тех, кто пошел на фронт защищать жизнь от смерти. И буду делать то, что я умею, пытаюсь изменить мир к лучшему.

Может быть, кто-то, прочитав, обвинит меня в излишних пафосе и патетичности. Это ваше право. Я никому не хочу навязывать свою точку зрения, свое понимание. Но, пообщавшись с большим количеством людей из многих регионов России, узнав о подвиге, который они совершают каждый день, я вижу ситуацию ровно так, как описал. Моими собеседниками были не какие-то идейные студенты, у которых много свободного времени и свойственный юношеству идеализм. Вовсе нет. На страницах этой книги вы найдете интервью с абсолютно разными людьми, решившими пойти добровольцами, – от директора по развитию гигантской госкорпорации «Росатом» до простой женщины, работающей маляром на заводе, от десятиклассницы, покупающей продукты бабушке на свои деньги, до взрослого мужчины, пережившего катастрофу. Здесь все без исключения.

И знаете, об этих людях никто никогда не расскажет. Они мало кому интересны. Многие газеты, например, писали о том, что кто-то из отечественных звезд немного приобщился к волонтерству, надев защитные костюмы и разнося продукты с сопровождающей их толпой профессиональных фотографов, но о самых простых, обычных людях не пишут. Они неинтересны. По крайней мере, так считают в редакциях средств массовой информации. И это еще один повод, почему я был обязан написать эту книгу, – мне надо было рассказать как можно большему количеству людей об этих «заклятых добровольцах», которые не могут жить иначе.

Книга, которую вы держите в руках, не про «удивительные истории удивительных людей». Здесь вы не найдете ни смешных медицинских баек, ни захватывающих дух экшн-историй. Здесь вы найдете жизнь. Такую, какая она есть. Может быть, скучную, может, трагичную, может, рутинную. Это неважно. Все описанное – правда. И, на мой взгляд, как раз это и есть основная ее ценность. Мне очень хотелось по мере сил и таланта погрузить своего читателя во все, что я увидел своими глазами, в жизнь врачей и волонтеров. Поэтому

важно было сохранить голос каждого, постараться передать особенности его речи, мышления, тембр голоса, ширину спектра произносимых междометий. Наверное, с точки зрения «литературности» книга не выдержит никакой критики. Но, как я уже сказал, я и не считаю себя писателем – мне намного важнее приобщить читателя к миру, который я сам для себя открыл, нежели удивить его красотой литературного слога и изысканностью синтаксиса. Насколько хорошо это получилось – судить вам.

Один из моих собеседников, которого я интервьюировал, сказал мне, описывая «красную зону»: «Отсюда не возвращаются тем путем, которым приходят». То же самое я хотел бы сказать и о своей книге: пусть тот, кто ее прочитает, уже не сможет вернуться к той привычной жизни, которую вел до ее прочтения. Пусть в каждом из нас что-то изменится, потому что жизнь, полная осознанности и ответственности за все вокруг, – это на самом деле прекрасная штука, то, за что действительно стоит сражаться.

Благодарности

Я безмерно и навечно благодарен тем людям, с которыми меня свела судьба, с кем мне посчастливилось общаться, работать, взаимодействовать, слышать, дышать одним воздухом, в чьи глаза мне выпало счастье смотреть.

К сожалению, имена многих людей я не могу указать по той причине, что они пожелали сохранить анонимность. Из излишней, на мой взгляд, скромности или по каким-то другим соображениям – не нам судить. Это их право, и я его уважаю. Но некоторые дали свое согласие на то, чтобы быть упомянутыми в этой книге. Как бы то ни было, без этих людей книги бы не было – каждый из них был моим гидом, проводником в новую вселенную.

Врачи: Евгений Селиверстов, Ольга Спичак, Антон Родионов, Татьяна Сычева, Иннокентий Стригин.

Волонтеры: Магомед Костоев, Карина Найдина, Резида Мигранова, Аида Ахмедова, Анастасия Тяжлова, Татьяна Колесник, Марина Дацко, Дарья Левина, Артур Бауров, Анатолий Михай, Елена из Брянска и ее сын Константин, Павел Савчук, Айшат Нажмудинова, Белимова Дарья, Анастасия Брайловская,

Александр Козлов, Екатерина Поняева, Кирилл Слободянюк, Денис Терехов, Наталья Шестакова, Екатерина Калущина, Владимир Никольский, Дмитрий Баженов, Екатерина Радюк, Мария Веселовская, Дмитрий Шнигер, Екатерина Еремина, Даниил Камбулов, Светлана Бушуева, Наталья Бодрова.

Спасибо за ваш труд, мысли, свет и теплоту, которой вы согреваете этот мир. Я счастлив, что благодаря вам теперь знаю точно, что ничего безнадежного и невозможного не существует.

Мне очень повезло с друзьями, соратниками, которые помогли сделать эту книгу. Среди них:

Ольга Шершнева, редактор издательства «Эксмо», человек-сердце всего проекта книги, с кем мы бесконечно много разговаривали, обсуждали книги, придумывали обложку, аннотации и прочее. Оля, мы сделали очень большое дело. Спасибо, что ты есть;

Василий Кузнецов, мой вечный редактор, который первым читал и читает все черновики и «заметки на полях». Вася, именно ты первый и рассказал мне, что я могу писать книги;

Ирина Портнова, научный редактор. Ира, ты мой проводник в сложный мир медицины. Общась с тобой, каждый раз открываю что-то новое. Спасибо тебе за внимательное прочтение каждой страницы текста и помощь в правильной формулировке всего;

Алексей Бурков и Юрий Русланов, мои друзья и вечные учителя. Благодаря вам я стал собой;

Максим Ульянов, Алексей Пыцкий и многие другие друзья, спасибо вам за веру в меня и терпение.

Глава 1. Что произошло с нами в 2020 году: как коронавирус перевернул весь мир с ног на голову

Предыстория

В ноябре 2002 года фермер из провинции Гуандун в Южном Китае был доставлен в местную больницу с неизвестной разновидностью респираторного заболевания.

Это был первый официально зафиксированный случай атипичной пневмонии, ставшей в последующий год, наверное, самым произносимым и публикуемым названием болезни в мире.

Фермера не спасли. Количество инфицированных росло, но китайские власти, рассчитывая справиться самостоятельно и без лишнего медийного освещения, не спешили сообщать об этом во Всемирную организацию здравоохранения, что едва не привело к совсем уж печальным последствиям.

Лишь в феврале 2003 года ВОЗ, получив информацию о новом вирусе, объявила тревогу и порекомендовала не посещать Южный Китай. Да только вирус уже «вылетел» из Поднебесной, попав в соседние Вьетнам, Гонконг и далее по миру.

Почти в то же время, когда ВОЗ делала объявление, итальянский вирусолог Карло Урбани уже столкнулся этим вирусом: при осмотре пациента в клинике в Ханое он пришел к заключению, что симптомы не указывают на обычную респираторную инфекцию или пневмонию, и впервые заговорил о появлении нового заболевания. Позже оно получит название ТОРС (SARS) – тяжелый острый респираторный синдром, причина которого – попадание в организм коронавируса типа SARS-CoV.

Урбани тут же распорядился использовать маски и защитные костюмы всем работникам клиники, более того, потребовал от властей Вьетнама немедленного введения карантина.

Атипичная пневмония поражала легочные альвеолы, что вызывало дыхательную недостаточность: заболевшие не могли нормально дышать. Симптомы у SARS были такие же, как при заражении нынешним вирусом: сухой кашель, высокая температура, боли в мышцах. Так же, как и сейчас, большему риску заражения подвергались пожилые люди и те, у кого были хронические заболевания.

Существенное различие двух заболеваний в том, что инкубационный период SARS значительно короче, признаки болезни могли появиться почти сразу после заражения, тогда как у COVID-19 – до двух недель.

Увы, сам Карло Урбани, подобно чеховскому доктору Дымову, умер, заразившись при лечении пациентов.

Во многом именно благодаря итальянскому вирусологу и столь раннему упреждению вспышка заболевания не переросла в пандемию. За время эпидемии заболели почти 10 тысяч, умерли 774 человека – летальность составила 9,6 процента.

Конечно, эти цифры не идут ни в какое сравнение со статистикой по COVID-19 – тогда удалось обойтись без гигантских потерь. Не вводилось чрезвычайное положение, СМИ не устраивали массовый психоз, и конспирологи вели себя скромнее. Ни о каких политических, экономических, социальных и психологических последствиях не было и речи.

Причины возникновения

В конце декабря 2019 года снова в Китае, в городе Ухань провинции Хубэй, были обнаружены первые случаи пневмонии и снова неизвестного происхождения. Заболевали местные жители, так или иначе связанные с расположенным в том районе рынком животных и морепродуктов. На этот раз коммунистическое руководство тянуть не стало и почти сразу же проинформировало мир о заболевании. Ухань, как и прилегающие к нему городские округа, закрыли на строжайший карантин. (Такая оперативность – причина того, что уже 24 марта власти Китая сняли большинство ограничений, заявив, что распространение вируса в КНР остановлено.) Но это не помешало заразе захватить планету: нынче люди перемещаются по всем направлениям со скоростью, значительно

превышающей инкубационный период любой инфекции, – а коронавирус, как я отмечал выше, отличает именно длительный инкубационный период – и огромное количество уже зараженных, но ничего не подозревающих бессимптомных пациентов продолжали заражать окружающих.

11 марта 2020 года ВОЗ заявила, что заболевание приобрело характер пандемии.

Ученые выделили его возбудителя – новый коронавирус, который по генетической последовательности не менее чем на 70 % схож с вызывающим атипичную пневмонию вирусом SARS-CoV. Поэтому он был назван SARS-CoV-2, а вызываемое им заболевание – COVID-19.

Многие из первых заболевших заходили на местный рынок Хуанань, где помимо морепродуктов что только не продавалось: птицы, змеи, летучие мыши. Предполагалось, что возможность заражать человека у вируса появилась именно после мутации в организме животного. И этим животным была летучая мышь.

Исследования подтвердили, что SARS-CoV-2 является гибридом коронавируса, обнаруженного у летучих мышей, и другого коронавируса неизвестного происхождения.

COVID-19 не стал первой массовой инфекцией в истории, передавшейся человеку от животных. Так, в XVI веке в Перу от местных лам к местным жителям передался спирохетоз. Зараженные от аборигенов конкистадоры прихватили его с собой в Европу, а солдаты короля Франции Карла VIII разнесли его по всему континенту, где его называли французской болезнью, или сифилисом.

В Англии в конце XIX века овечья чесотка передалась коровам. А те, уже в XX веке, заразили жителей Туманного Альбиона коровьим бешенством. А в 1981 году передающийся половым путем у африканских обезьян вирус обнаружили у гомосексуалистов в США. Так началась эра СПИДа.

И вопреки конспирологическим теориям о том, что нынешний вирус создан в суперсекретных лабораториях ради передела мира и чего-то там еще, он опять

же был передан человеку даже не инопланетянами, а летучей мышью.

Признаки того, что COVID-19 не создан искусственно, очевидны. Его летальность ничтожна и, как все коронавирусы, он не обладает генетической устойчивостью, быстро мутирует, меняет свойства, предугадать которые нельзя, – с такими признаками биологического оружия не бывает. И кстати, именно по причине изменчивости очень тяжело, если вообще возможно, создать вакцину.

Пандемия сойдет на нет, когда человек как биологический вид придет в равновесие с коронавирусом. Иными словами – почти всем придется переболеть. Это может занять до года. И тут важно помнить и понимать: у подавляющего большинства людей (более 80 %) COVID-19 протекает вообще без всяких осложнений. У кого-то с осложнениями, у малой части – тяжело, что характерно для обычного сезонного гриппа и совсем неудивительно.

Из-за изоляции и карантина было отменено и отложено великое множество крупнейших спортивных соревнований: летние Олимпийские игры, чемпионат Европы по футболу, все национальные чемпионаты европейских стран. А также фестивали, конкурсы, выставки, включая Каннский кинофестиваль, Московский международный кинофестиваль, авиасалон в Фарнборо, конкурс «Евровидение-2020».

Главная задача карантина – замедление скорости распространения эпидемии. Заболеют столько же, но не за пять, а за двадцать пять дней, что более эффективно поддается управлению в условиях, когда система здравоохранения оказалась не в состоянии справиться с таким количеством зараженных: не хватает ни врачей, ни коек в стационарах, ни аппаратов ИВЛ. Кстати, огромную помощь оказали волонтеры – если бы не они, последствия были бы куда более трагичны, но об этом в другой главе.

Крушение мира

В 2020 году произошла настоящая всемирная катастрофа: пандемии такого масштаба человечество не знало со времен испанского гриппа 1918 года. Количество зараженных составляет уже более 9 миллионов человек, погибших – более полумиллиона. К счастью, повторюсь, у абсолютного большинства эта

болезнь проходит в легкой, а то и совсем бессимптомной форме. Основная проблема заключается в том, что нынешний коронавирус очень заразен; его вирулентность – скорость распространения – огромна: за сутки заразу могут подхватить десятки, а то и сотни тысяч человек.

Комфортный, привычный образ жизни сотен миллионов людей разрушен: ни в кафе посидеть, ни в торговый центр сходить, ни в парк погулять, ни на море слетать. Всего за пару месяцев от общества потребления не осталось и следа. Точнее, оно превратилось в общество соблюдения всевозможных запретов.

Нынешняя пандемия не имеет аналогов еще и потому, что никогда ранее во время эпидемий не вводилось столько мер безопасности, да еще помноженных на психоз, нагнетаемый СМИ: мегаполисы опустели, напоминая кадры из фильмов про конец света, закрыто почти все, люди забаррикадировались дома, а редкие прохожие в масках похожи на зомби.

Массированная атака коронавируса привела с середины февраля к краху фондового рынка, индекс Доу-Джонса упал почти на треть. На биржах из-за рисков в связи со снижением потребностей Китая в металлах более всех упали акции горнодобывающих компаний. Карантин повлиял на падение акций авиакомпаний, гостиничных холдингов, ретейлеров, в том числе люксового сегмента (ведь 35 % продаж таких товаров приходится именно на Китай). Цена нефти на мировых рынках снизилась на 5 %. Параллельно поднялись цены на безопасные активы – золото и гособлигации.

В целом мировая экономика пребывает в глубоком кризисе: прогнозы по ее росту снижены с 3 % до 1,6 % и продолжают идти вниз. Родителю коронавируса Китаю прогноз по росту снижен вдвое: основные потребители китайской продукции – США, Япония и страны Западной Европы – из-за закрытия границ прекратили с Китаем все торговые отношения. А январская остановка китайской промышленности вызвала падение цен на нефть, которые к концу марта снизились с \$68 до \$20 за баррель, что тоже ускорило падение мировой экономики.

Но тут стоит отметить, что именно в Китае после выхода из самого жесткого карантина восстановление пошло так быстро, что уже через месяц после, как сейчас говорят, достижения дна китайская экономика показала 85 % мощности,

а это дает надежду, что выход из кризиса и для других стран будет не совсем уж катастрофичным.

Пока же в развитых странах, где до 70 % работников заняты в сфере услуг, в нынешних условиях финансового коллапса, который может догнать и перегнать Великую депрессию, со страшной скоростью разоряются и закрываются бесчисленные компании и предприятия, особенно малого и среднего бизнеса.

По самым обнадеживающим прогнозам Всемирной торговой организации, мировая торговля в 2020 году сократится на 13 %, а если отбросить оптимизм, то на 32 %.

Битва с невидимым соперником – вирусом – оказалась тяжелой и изнурительной, а потери – колоссальными для экономики и образа жизни.

Глобализацию замкнуло, ее больше нет – связи между миллиардами людей рассыпались в одно мгновение.

Директор Королевского института международных отношений (Великобритания) Робин Ниблетт говорит, что коронавирус может стать той соломинкой, что переломит спину верблюду глобализации: «Вирус разрушил иллюзию устойчивости глобального мира, который казался таким прочным. В считанные дни остановилось свободное перемещение людей, товаров и капитала по всему миру; президенты говорят о военной ситуации, а жители в панике сметают месячные запасы продовольствия».

Вирус свел на нет отлаженное благополучие цивилизации, где, казалось бы, уже все вопросы и проблемы разрешаются нажатием кнопки на смартфоне и миссия всегда выполнима. Но нет. Необратимая глобализация была остановлена, и не массовыми протестами, которые когда-то устраивал на площадях столиц мира субкоманданте Маркос, но биологической микрочастицей. Тотальное потребление сделалось ненужным и ничтожным в сравнении с безопасностью каждой отдельной семьи, города, страны.

Главное отличие нынешнего кризиса от предыдущих заключается в том, что правительства осознанно сдерживают распространение вируса ценой замедления экономической активности, а также жертвуют свободами и благами, чтобы спасти жизни.

Кстати, не исключено, что в скором времени возникнут новые проверки и обязательства: например, посадка на самолет станет возможной только при предъявлении справки об отсутствии COVID-19 или о том, что вы уже им переболели. А также введут вакцинацию, которую должны будут пройти все.

Особенность этого кризиса и в его совершенной неопределенности: никто точно не может сказать, насколько он затянется и сколь серьезным в итоге окажется. И как ни парадоксально, именно из-за кризиса, вероятно, будет больше жертв, нежели от коронавируса.

Ведь при карантине предприятия или полностью закрываются, или работают значительно меньше, то есть предложение сокращается. Затем падает спрос: люди не работают, доходов у них нет, они значительно меньше покупают. А если деньги и есть, потратить их невозможно: почти вся сфера услуг закрыта. Плюс, как я уже говорил, когда закончится кризис, неизвестно, поэтому большое количество людей откладывает значительные средства на совсем уж пречерный день и не совершает крупных покупок: автомобилей, недвижимости и т. п. А производители, соответственно, сокращают свои инвестиции.

Кстати, подобное происходит в истории не впервые. В июле 1831 года Пушкин в своем дневнике писал о ситуации, вызванной холерой: «Карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний».

Сегодня люди тоже ничего не зарабатывают, значит, не в состоянии платить по кредитам, ипотеке, что ведет прямоком к дефолтам: банки начинают банкротиться и вся финансовая сфера загибается. Опять же при условии, если государство никак не помогает.

И участие государства – очень важный момент, по каким бы прогнозам ни развивалась экономика после карантина. У государства имеются все возможности и инструменты, чтобы восстановить спрос и предложение, если только оно окажет помощь, сопоставимую с падением ВВП.

И тут имеет большое значение не только количество денег, которое будет на это потрачено, но и их грамотное распределение – ведь разные секторы бизнеса пострадали совсем по-разному. Например, некоторые переживают карантин весьма плачевно: кафе и рестораны, салоны красоты, турагентства, авиаперевозчики.

В данной ситуации государство просто обязано обратить особое внимание на нужды малого и среднего бизнеса, иначе страна рискует вообще потерять этот сектор экономики. Государство может спасти эти бизнесы – это не требует каких-то сверхзатрат или сверхусилий.

Но сейчас Россия выглядит, скажем так, не совсем прилично в плане выплат компенсаций по сравнению с другими развитыми странами, к каким мы себя, безусловно, относим. Даже если таковые меры и принимаются, суммы весьма невелики, что может затянуть кризис в России совсем надолго.

Хотя резервы у нашего государства имеются. Так, в Фонде национального благосостояния находится более 11 триллионов рублей. Для чего они там лежат мертвым грузом? Для чрезвычайной ситуации? Но разве такая ситуация уже не наступила?

Даже сейчас у нас продолжают заботиться о самых незащищенных слоях населения лишь на словах – никакая социальная помощь им не оказывается. А если кому-то и перепадет, то вдруг и опять же мизер. Может быть, хоть сейчас правительство задумается о разработке четкого механизма социальной помощи?

Не виртуальное пространство

Преодолев кризис, мы войдем в иной мир (да, вспомнилось успешнее стать банальным выражение «Мир уже никогда не будет прежним»). А если так, то тогда в этом «не прежнем» мире мы сможем по-другому построить отношения с природой, с техносферой, между собой, наконец.

Ведь именно под влиянием пандемии и ее последствий, возможно, изменятся представления о ценности человеческой жизни.

Главная ценность – человеческая жизнь, так привыкли утверждать мировые лидеры. Но на самом деле так ли это? Пандемия показала, что жизни граждан стоят совсем неодинаково.

Британские СМИ сообщили, что Доминик Каммингс, главный советник премьер-министра Бориса Джонсона во время обсуждения ввода карантина обронил: «Главное, чтобы большинство переболело и получило групповой иммунитет. Если при этом умрет какое-то количество пенсионеров – что ж, очень жаль». Действительно, жаль.

Кстати сказать, и Джонсон, и Каммингс переболели коронавирусом. А Каммингс еще и в отставку ушел.

К счастью, на вопрос о человеческой жизни есть и другие ответы. Рассказывает врач скорой помощи Вячеслав:

«Пандемия пандемией, но никто не отменял обычные вызовы, а их меньше не стало – не одним же коронавирусом теперь болеют. Но появились свои особенности: ведь сейчас 99 процентов новостей идут только про вирус, и новости эти жуткие. Так вот, под давлением СМИ люди, естественно, начинают паниковать. И потому, чтобы избежать публичных мест, по любому чиху вызывают скорую, а не идут в поликлинику.

Весной всегда растет количество вызовов по простуде, случается, за сутки – 25. Из-за коронавируса их еще больше. И нагрузка постоянно увеличивается.

Бывает, уже по приезду узнаем, что человек скрыл симптомы, а ехали-то мы к нему по жалобе на покалывание в пояснице. И вот натягиваем тут же защитные костюмы и надеемся, что пронесет.

Вообще, я не исключаю, что при такой растущей нагрузке на фоне пандемии диспетчеры начнут выборочно отказывать вот таким «с покалыванием в пояснице», хотя среди вызывающих могут оказаться люди, которым нужна

немедленная помощь. И что тогда? Рисковать их здоровьем и жизнью?

В любом случае зараженных врачей станет больше, это издержки профессии, как ни защищайся. Врачи устают все сильнее, а это ведет к подрыву иммунитета и повышенной восприимчивости вообще к любым заболеваниям. Количество пациентов растет, а количество медиков уменьшается: часть из них сами стали пациентами. Справимся ли мы? Выполним ли свой долг?

Нашим коллегам по подстанции, тем, кому за 65, рекомендовали уйти на самоизоляцию. Таких немного, и среди них оказались два анестезиолога-реаниматолога, а врачей такой специализации в нашем отделении только пять, поэтому возникли новые сложности.

И так постоянно. С кадрами проблема. В бригадах часто некомплект. Люди ведь наверняка представляют, что бригада скорой помощи – это водитель и два врача, но в последние годы врач только один. Большинство сотрудников скорой – фельдшеры с зарплатой 20 тысяч, и приходит к нам на работу редко кто».

Да, в скорую идут, чтобы помогать. Работа очень тяжелая, поэтому те, для кого спасение людей – не долг, не призвание, там не задерживаются. Тут, конечно, вспоминается замечательный совет учителям: если такая низкооплачиваемая работа не призвание – идите в бизнес. Ага. В 90-е уже все население побывало «бизнесменами». Спасибо, больше такого не надо.

Врачи скорой и до пандемии были загнаны, каждый день работали на износ. Сегодня СМИ кричат, что врачи трудятся как на передовой в военное время, – будто когда-то было иначе. Только раньше их ежедневную работу подвигом никто не называл. А теперь вдруг, когда опасность коснулась буквально каждого и тема медицины важна как никогда, врачи стали героями. Только и у героев есть свой предел».

Что такое вирус?

Вирус – это яд. Так переводится с латыни слово *virus*. Силу этого яда и последствия его «применения» теперь мы не только очень хорошо представляем, но и испытываем на себе. Но почему этот яд бывает и так губителен, и вовсе безвреден? Вообще, каковы природа вируса, механизм его действия? Чем вирус отличается от бактерии? Отчего организм не может подцепить инфекцию? Как работает иммунная система и действует вакцина?

Рассказывает иммунолог Ирина Портнова:

«Для многих людей вирус, инфекция, бактерия – синонимы, хотя это совершенно разные понятия. Инфекция – процесс, который запускается, когда вирус либо бактерия попадают в организм. Поступает сигнал, и иммунная система пытается избавиться от этого чужеродного агента. Так что говорить «в организм попала инфекция» неверно.

Можно выделить несколько основных механизмов защиты.

Первый – это естественные барьеры организма, то, что физически защищает человека от внешних воздействий, – защита слизистых оболочек, наш кожный покров.

Второй – клеточный иммунитет, клетки крови: лейкоциты, лимфоциты, которые начинают вырабатывать антитела, распознают инфекции, прикрепляются к бактерии, к вирусу. Это клетки-убийцы, пытающиеся остановить инфекцию.

Многие вакцины рассчитаны на образование клеток памяти, которые мгновенно распознают проникновение вируса или бактерии и не дают им размножаться дальше. И цель вакцинации – как раз не дать возникнуть инфекционному процессу, сразу локализовать его.

Есть разные виды вакцин. Разработанные специалистами живые вакцины, для которых берется ослабленный вирус, как правило, от животных. Как когда-то было сделано в случае натуральной оспы. Это вирус, идентичный вирусу человека, но не вызывающий тяжелых процессов в организме.

Сейчас в России используются живые вакцины против кори, краснухи, паротита, ветрянки. В их основе – живые вирусы. Соответственно, когда вводится вакцина, организм вырабатывает защитные тела, но сам не заболевает. Либо в легкой форме все переносит, сыпь бывает, лимфоузлы увеличиваются. Но при этом не возникает тяжелой инфекции.

Вакцинация – лучшая защита от инфекции. По крайней мере, нового пока ничего не придумали. Только благодаря вакцинации удалось избавиться от оспы натуральной, контролировать такие тяжелые инфекции, как чума, холера, полиомиелит, дифтерия, бешенство.

А есть вакцины инактивированные, те, что изготовлены из уже убитых вирусов или бактерий. Такова, например, вакцина от гриппа. Она инактивированная, и вирус в ней не может размножаться, но активирует иммунную систему.

Бешенство – тоже вирусная инфекция и, наверное, единственная стопроцентно летальная без вакцинации. Только вакцина, которая вводится в первые часы после укуса, дает защиту – человек не заболевает, не умирает.

Особенно сложно создавать вакцины против вирусов: многие из них очень быстро меняют свою структуру, мутируют, и изначально созданная под них вакцина через какое-то время становится бесполезна.

Бактерии имеют собственно клетку – они могут размножаться вне организма, достаточно создать им питательную среду. Вирусы же не имеют клеточной оболочки. По сути, вирус не может размножаться вне клетки, ему надо попасть в организм человека, животного, растения, где он, используя ресурсы клетки, начнет в ней размножаться.

Некоторые вирусы встраиваются в бактерии и могут в бактериях размножаться и разрушать их. Это бактериофаги. Их применяют в виде препаратов при лечении бактериальных инфекций.

Люди размножаются за счет ДНК. Вирусы же – единственные организмы, которые могут размножаться и через ДНК, и через РНК. И два основных типа вирусов: ДНК-содержащие и РНК-содержащие.

Вирусы разрушают клетки – одну, вторую, третью. А есть такие, которые поселяются в клетках и даже не нарушают их структуру: клетки продолжают функционировать, и иммунная система не распознает, что внутри этих клеток сидит вирус. Там вирусы могут жить годами, никому не мешая. Но в какой-то момент все же начинают размножаться. Таков, например, вирус герпеса.

И бактерии тоже разные бывают. Например, в кишечнике много полезных бактерий, участвующих в синтезе витаминов и других полезных веществ и помогающих переваривать пищу. Они есть у нас, чтобы поддерживать здоровье.

Существуют патогенные бактерии, и они, попадая в организм, начинают размножаться, разрушают слизистую, выделяя токсины. Пример – возбудитель дифтерии.

Есть условно-патогенные, которые в небольшом количестве организм терпит, но если их становится много, то запускается инфекционный процесс. К условно-патогенным относится, к примеру, уреоплазма, что живет-живет себе, не тревожа, и вдруг раз – и начинается заболевание.

Но если вирус может убить бактерию, как в случае с бактериофагами, то бактерия вообще для вируса не опасна, она вирус убить не может ни при каких условиях.

Человечество научилось бороться с бактериями: созданы антибиотики, которые их убивают. Хотя бывают и антибиотикорезистентные инфекции, когда антибиотики не действуют. Но все-таки в большинстве случаев инфекции, вызванные бактериями, вылечиваются.

Что касается вирусов – если нет вакцины, тогда все зависит от состояния организма, от иммунной системы. Что на примере коронавируса сейчас мы и видим: если человек изначально уже был чем-то болен, то никакие препараты особо не действуют, а если здоров – вылечивается сам, и более чем у 80 процентов болезнь проходит в легкой форме.

Мы пока не научились активно бороться с вирусами. Вообще, есть такая теория: чем меньше организм, тем быстрее он мутирует. Соответственно, вирусы – одни из самых маленьких микроорганизмов, поэтому они меняют свою структуру, и

проблема как раз в том, что нельзя заранее предугадать, как он изменит себя. Спрогнозировать мутации вирусов нельзя, но возможно подготовить организм к тому, чтобы он справился с этими вирусами. Например, изучив геном, увидеть, какие у человека слабые точки, и воздействовать на них.

Конечно, необходимо, чтобы вакцины появлялись оперативнее. Это очень долгий и сложный процесс: от начала разработки до клинических испытаний и применения вакцины проходит от 10 до 15 лет. Плюс еще бюрократия: масса времени уходит на рассмотрение и согласование в различных инстанциях.

Сейчас, скорее всего, выпустят вакцину, которую будут дорабатывать в процессе. А значит, не исключены побочные эффекты, противопоказания, аллергические реакции.

Не стоит ожидать, что все население вакцинируют сразу, это будет происходить постепенно.

Когда появилась вакцина против натуральной оспы, от нее было очень много побочных эффектов, кто-то даже умирал. С полиомиелитом были такие же проблемы. Тогда логика была такая: либо, условно, тысяча умрет из двух тысяч от самого заболевания, либо сто человек от вакцины. Сейчас такое исключено, все-таки технологии достаточно хорошо разработаны.

Признаюсь, мне не совсем понятна нынешняя всеобщая истерия, особенно идущая от СМИ, и такие жесткие ограничительные меры, используемые властью, особенно учитывая то, что, как я уже говорила, у подавляющего большинства заболевших COVID-19 протекает в легкой форме. Это даже нельзя сравнивать ни с какой из самых известных пандемий – чумы, оспы, холеры, испанки. На примере коронавируса я вижу, как легко можно управлять массовым сознанием, причем независимо от государственного устройства – демократического или тоталитарного. Но это мое личное мнение».

Глава 2. История мировых эпидемий, или Как вирусы меняли историю

Как устроен человек и воля случая

Слово «кризис» на китайском (ох уж этот Китай!) состоит из двух иероглифов, которые означают «опасность» и «благоприятная возможность». Что справедливо. Ведь мировой кризис, вызванный пандемией коронавируса, – это прекрасная возможность задаться вопросами о том, кто мы такие и не слишком ли велика та значимость, которую мы отводим себе в истории?

Возможно, нет более длительной, тесной и глубокой связи, чем та, что существует между людьми и болезнями, особенно эпидемическими. Тысячелетия эпидемии влияли и продолжают влиять на мировую историю во множестве аспектов: демографическом, политическом, финансовом, социальном.

Как правило, вспышки тех или иных заболеваний мы списываем на случайность. Но что есть случайность? Очевидно, это отсутствие предсказуемости, причина которой – наше незнание мира, в частности, самих себя. Например, в курсе ли вы, что 100 триллионов микробов (бактерий, вирусов и грибов) живут на нас и внутри нас, влияя на все аспекты нашего здоровья, а совокупное число их генов больше, чем звезд в Млечном пути?

Или вот, к примеру, кишечник. Его поверхность равна площади двух теннисных кортов, и здесь вырабатывается большая часть нейромедиаторов, которые могут передавать сигнал в мозг. Проще говоря, из кишечника в мозг идут химические и электрические сигналы, которые влияют на наше настроение и поведение и даже руководят нашими поступками! А микрофлора кишечника воздействует на центральную нервную систему. И эта микрофлора может стать одним из существенных факторов в развитии депрессии и иных когнитивных патологий.

Человек едва ли изучен больше, чем открытый космос. Ведь не зря говорят, что человек – это космос. В течение секунды в организме происходит около ста тысяч биохимических реакций. А психофизиологи изучили пока только несколько сотен.

Мы убеждены, что историю делают личности. Но так ли это? Что, если историю пишут микробы?

Если вы думаете, что завоевание Америки – это всецело заслуга конкистадоров, то сильно ошибаетесь. Колонизация стала возможна благодаря не только европейцам, но и... незримым микроорганизмам.

Первая пандемия такой «старосветской» инфекции, как оспа, началась за океаном в 1518 году. Конкистадоры, которые доставили ее в Новый Свет, писали донесения королю Испании Карлу I, не скрывая своей радости: «Нашему Господу угодно было даровать мор оспы среди индейцев, и он не прекращается – треть жителей континента поражены».

Через два года болезнь полностью сковала столицу ацтеков Теночтитлан, и Эрнан Кортес «завоевал» город в 1521 году.

Оспа завоевала империю инков раньше испанцев: инфекция распространялась от одного поселения к другому быстрее конкистадоров.

За открытием Америки последовала величайшая демографическая катастрофа: импортированные микробы убили, возможно, десятки миллионов людей.

Сейчас, во время очередного мирового катаклизма, важно обратиться к истории, чтобы вспомнить, сравнить, понять и найти ответы на многие вопросы. Например, на извечный: что делать? И, напротив, чего не делать?

Доисторический период

Ученые утверждают, что вирусы герпеса впервые заразили предков человека более 80 миллионов лет назад.

В древние эпохи численность населения была маленькой, люди жили в небольших изолированных поселениях, и условий для возникновения эпидемий просто не существовало. Но с ростом популяции человека и его расселения по миру ситуация кардинально поменялась.

Вирусные эпидемии начались около 12 000 лет назад во времена возникновения земледелия. Численность земледельцев в одном поселении была уже довольно

существенной. Плюс началось одомашнивание диких животных. Свиньи, козы, овцы, коровы, лошади, верблюды, кошки и собаки принесли с собой свойственные их виду вирусы, которые, преодолевая видовой порог, передавались человеку и быстро распространялись, становясь все более опасными.

Вирусы оспы и кори – одни из самых древних. Развившись из вирусов, которые поражали животных, оспа впервые передалась человеку в Индии около 11 000 лет назад. Позже они были перенесены в Новый Свет испанскими колонизаторами. Корью болели так часто, что она уже считалась не болезнью, а естественным этапом в развитии детей.

Первый исторический документ, свидетельствующий о вирусной инфекции, – египетская каменная плита, возраст которой более трех тысяч лет. На ней изображен жрец с деформацией стопы, характерной при полиомиелите. А исследование мумии Рамзеса V показало, что фараон болел оспой.

Афины в 430 году до н. э. были охвачены эпидемией оспы. Найденные там письменные памятники говорят о том, что болезнь уничтожила четверть афинской армии.

Вакцины против вирусных инфекций появились лишь в XIX веке. Их создали французский микробиолог Луи Пастер и английский врач Эдвард Дженнер.

Так постепенно развивалась вирусология. А с созданием в 1930-х годах электронного микроскопа было установлено, что именно вирусы – причина многих болезней.

Юстинианова чума

Чума – заболевание, которое вызывается бактерией (чумная палочка). На земном шаре сохраняется ряд природных очагов, где чума постоянно встречается у небольшого процента грызунов, обитающих там. Чума передается человеку при укусе блох от зараженного животного. Человек человеку передает возбудителя воздушно-капельным путем. Существует несколько форм течения чумы. При

бубонной форме образуются очень болезненные конгломераты лимфатических узлов, которые увеличиваются в размерах, загнивают. Повышается температура. При отсутствии лечения гнойный процесс распространяется по организму, переходя в септическую (заражение крови) и легочную (тяжелая пневмония) форму, и болезнь заканчивается летальным исходом.

Первая пандемия, или Юстинианова чума, названная именем тогдашнего византийского императора Юстиниана, вспыхнула в 541 году на северо-востоке Египта в городе Пелузий. Оттуда чума распространилась на запад к Александрии, на восток к Палестине и далее, и далее.

Антиохийский адвокат Евагрий Схоластик, сам переболевший чумой, оставил уникальные исторические и медицинские свидетельства. В книге «Церковная история» он писал, что у некоторых чума начиналась с головы, глаза наливались кровью, а лицо опухало, потом переходила к горлу и, охватив его, лишала человека жизни.

«Других рвало кровью и открывался понос. У третьих обнаруживались шишки (бубоны) под мышками и в паху или вскакивали на теле черные язвенные чирьи, а затем наступала горячка, и они на другой день умирали. Иные впадали в помешательство и в этом состоянии испускали дух. А некоторые, подвергшись язве однажды или дважды и оправившись от нее, после опять подвергались ей и умирали.

Способы заимствования болезни были разнообразны: одни гибли оттого, что общались и ели вместе с больными; другие – от одного прикосновения к ним; иные – побывав только в доме или на площади. Некоторые, убежав из зараженных городов, сами оставались невредимы, но приносили с собой болезнь. (Прямо заражение от бессимптомных носителей, как сейчас с коронавирусом. – Прим. авт.) А были такие, кто жили с больными и прикасались не только к зараженным, но и к умершим, и оставались совершенно здоровыми. Иные же, лишившись всех своих детей или домашних, хотя и желали умереть и нарочно обращались с больными, однако не подвергались заразе».

Уже в следующем году чума добралась до Константинополя – столицы Византии, или Восточной Римской империи, которой тогда правил император Юстиниан. (В Константинополе она снова вспыхнет в 558-м, затем в 573-м и четвертый раз – в 586 году). Ситуация в городе была такова, что для выхода на улицу требовалось

надеть специальную бирку со своим именем, чтобы человека могли опознать, если он умрет на ходу. А умирало, как свидетельствуют документы, более 10 тысяч человек в день. Вскоре умерших хоронили за городом в общих ямах: кладбища были переполнены.

Знаменитый византийский историк Прокопий Кесарийский отмечал, что от чумы не было человеку спасения, где бы он ни жил – на острове, в пещере или на вершине горы. «Много домов опустело, и случалось, что многие умершие, за неимением родственников или слуг, лежали по нескольку дней несожженными. В это время мало кого можно было застать за работой – вся торговля замерла, все ремесленники бросили свое ремесло. (Опять же, как похоже на сегодняшний день! – Прим. авт.)

Чумой заразился и Юстиниан. Он выжил, но свое былое могущество сохранить не смог. После чумы отвоеванную у варваров большую часть Западной Римской империи охватили восстания, и все усилия Юстиниана, направленные на восстановление Римской империи в прежних границах, оказались напрасны.

Сыграла роль и его недалёковидная внутренняя политика: государство никак не поддерживало вконец измученное пандемией население, которое и без того переживало демографическую катастрофу. Чудесного появления новой Римской империи не состоялось. Более того, в последующие столетия Византия была существенно ослаблена непрекращающимися набегами мусульман с юга.

Как знать, не случись пандемии, перешел бы тогда ислам границы полуострова и стал бы одной из самых могущественных и влиятельных религий мира?

Происходило становление и укрепление новой религии – ислама. Мусульмане властвовали на Аравийском полуострове, который чума вообще обошла стороной, что стало одной из причин произошедшего там вскоре быстрого роста населения. Это все привело затем к завоеванию опустошенных чумой византийских провинций на Ближнем Востоке и в Африке.

Именно так чума помогла арабским завоеваниям VII века.

Не это ли доказательство того, что историю творят не только люди?

Эпидемия оспы

Оспа натуральная вызывается соответствующим вирусом. Вирус проникает в организм человека через слизистые оболочки верхних отделов дыхательных путей. Вирус очень устойчив во внешней среде, хорошо сохраняется при высушивании. Болезнь начинается остро, с высокой температуры, слабости, болей в пояснице, тошноты, рвоты. На 4-й день температура снижается, улучшается самочувствие и появляется сыпь. Она выглядит как пятно, но постепенно превращается сначала в пузырьки, а потом в гнойные пустулы. Вновь поднимается температура, ухудшается состояние. С 14-го дня пустулы превращаются в корочки, после которых остаются выраженные деформирующие рубцы. Тяжелые формы оспы протекают со сплошной сливной сыпью, которая носит геморрагический характер (черная оспа), могут возникать пневмонии, поражения головного мозга, глаз. Благодаря вакцинации оспа была ликвидирована во всем мире, и вакцинация отменена с конца 80-х годов прошлого века.

Эпидемии бывают кратковременными, затяжными, рецидивирующими, как, например, Юстинианова чума, и эндемичными, то есть постоянно присутствующими, выжидающими: это когда вирус попадает в организм человека при условиях, не способствующих его проявлению, и ждет их смены, чтобы начать действовать. Именно к такому виду относится эпидемия оспы, которая убила более миллиарда человек, прежде чем была искоренена в середине XX века.

Эпидемия черной оспы впервые случилась в Китае в IV веке. А в Индии во время эпидемий даже молились богине оспы Мариатале, которую изображали в виде молодой женщины со вздорным характером.

В VI веке оспа уже правила в Византии, куда ее занесли из Северной Африки. Арабы, спасшись от Юстиниановой чумы, приступив к завоеваниям, разнесли оспу от Испании до Индии: сохранились исторические свидетельства эпидемии оспы в Палестине, Сирии и Персии в VII веке и в Италии, Испании и Франции в уже следующем столетии. С этого времени в Европе ежегодно оспа убивала бесчисленное количество людей.

Врачи не могли помочь, известны случаи, когда их убивали за неспособность вылечить. Так, Аустригильда, королева Бургундии, перед смертью от оспы попросила своего мужа короля Гунтрана казнить двух ее лекарей, что тот и сделал, зарубив их мечом.

Придуманные против оспы молитвы и заклинания тоже не помогали. В Европе с XV века размах пандемии был неслыханным – редкий человек не переболел оспой. А то, что некоторые люди выживали, было настоящим везением. Врачи были уверены: каждый человек должен переболеть оспой хотя бы раз в жизни.

Из Европы оспа попала в Америку, где, как я писал выше, погубила миллионы местных жителей, способствуя завоеванию континента конкистадорами.

Франция в 1577 и 1586 годах пала под эпидемией оспы. «Такой смертности не случалось на памяти людей; умирали почти все, которые были поражены оспой», – свидетельствовали современники. Оспа была настолько распространена, что французская полиция при розыске преступника уточняла особые приметы: «повреждений от оспы нет».

Кстати сказать, торговцы косметикой процветали: как никогда пользовались спросом румяна и белила, которые помогали хоть как-то скрыть шрамы от оспы.

«Моровая язва, или чума, была более смертельна, но зато она посетила наш берег лишь дважды, тогда как оспа неотступно пребывала между нами, наполняя кладбища покойниками, терзая постоянным страхом всех тех, которые еще не болели ею, оставляя на лицах людей, жизнь которых она пощадила, безобразные знаки, как клеймо своего могущества, делая ребенка неузнаваемым для родной матери, превращая красавицу невесту в предмет отвращения в глазах жениха», – писал английский историк Томас Маколей.

Оспа убивала и калечила без разбора – и знать, и простолюдинов, она врывалась в лачуги бедняков и во дворцы королей. Так, в конце XVII века от оспы умерла английская королева Мария. Вообще в Лондоне в том столетии едва ли один человек из тысячи не был болен оспой.

А в Германии только в 1796 году от этой болезни погибло 70 тысяч жителей. В целом в Европе ежегодно умирало от оспы более 1,5 миллиона человек.

Особенно высока была смертность среди детей, и родители обычно не давали имена своим детям, пока те не переживут оспу и не приобретут иммунитет.

Настоящий прорыв в лечении оспы совершил английский врач Эдвард Дженнер, который, длительное время изучая случаи коровьей оспы, в мае 1796 года провел эксперимент по прививанию коровьей оспы человеку.

В присутствии врачей Дженнер снял коровью оспу с руки случайно заразившейся доярки и привил ее восьмилетнему мальчику. Оспа развилась только на привитых местах и протекла нормально. Через полтора месяца Дженнер привил этому же мальчику натуральную человеческую оспу. У защищенного прививкой мальчика оспа не принялась.

Дженнер опубликовал научную работу, где особо отметил, что «коровья и натуральная оспа есть две формы одной и той же болезни, так что перенесение коровьей оспы сообщает невосприимчивость к натуральной».

С 1800 года вакцинация становится обязательной сперва в Англии и далее в других странах Европы и в колониях.

А о судьбоносном влиянии оспы на историю человечества, в частности на завоевание Америки, я уже говорил. Отмечу лишь, что оспа не только преподнесла европейцам Новый Свет, уничтожив почти 90 процентов аборигенов, но стерла с лица земли целые цивилизации со своими языками, искусством, культурой, которые мы никогда уже не услышим, не увидим, не узнаем.

Черная смерть

Юстинианова чума и «черная смерть» – это одна и та же инфекция, вызванная чумной бациллой, но это бациллы разных штаммов. (Штамм от нем. Stamm, буквально – «ствол», «род» – чистая культура вирусов, бактерий, других

микроорганизмов или культура клеток, изолированная в определенное время и в определенном месте.) Возбудитель «черной смерти» продолжал проявлять себя и дальше (например, во время третьей пандемии чумы в XIX веке), а вот возбудитель Юстиниановой чумы исчез бесследно из человеческой популяции.

Симптомы и подробное описание бациллы чумы приводилось выше в разделе про Юстинианову чуму.

Слово «карантин» имеет итальянское происхождение, по-итальянски quaranta означает сорок.

Срок в сорок дней был установлен по библейским подсказкам, а не по медицинским соображениям. Число сорок в Ветхом и в Новом Завете имеет значение очищения и преображения: сорок дней и сорок ночей потопа, сорок лет скитаний в пустыне, сорок дней Великого поста.

Первые карантинны были организованы против «черной смерти» – второй (после Юстиниановой) пандемии чумы, апофеоз которой пришелся на 1347–1353 годы, когда она поглотила треть населения Европы. Эта пандемия, как и первая, то бушевала, то стихала, полностью прекратившись лишь... в XIX веке!

Именно во время очередной вспышки в XIV столетии венецианцы обязали причаливать все прибывающие суда на обязательный карантин к ближайшим к городу островам, где соорудили лазареты. Сорок дней корабли «проветривались», а зараженные купцы и моряки умирали. Отмечу лишь, что и это тогда не уберегло Венецию, где «черная смерть» забрала более чем половину жителей.

Кстати, часто карантин вызывал у населения недовольство и сопротивление, многие отказывались его соблюдать, ну прямо как сейчас при разгуле коронавируса.

...Вторая пандемия зародилась в пустыне Гоби в Монголии в 1320 году, когда различные виды грызунов бежали от засухи и «обосновывались» ближе к жилью людей. К тому же у монголов мясо сурка считается деликатесом. Чем не

идеальные условия для возникновения заболевания? И разве не похожа эта история на начало распространения нынешней пандемии с рынка Уханя, куда захаживали любители похожих деликатесов?

Позже торговцы по Великому шелковому пути, проходившему через Гоби, провезли в Китай не только товары, но и чуму. Зараза распространилась по Китаю: в 1331 году в провинциях Хэбэй и Хэнань умерло до 90 % населения.

В 1335 году чума опять же с караванами купцов пришла в Индию.

Начало пика пандемии произошло в столице Византийской империи Константинополе в 1347 году, откуда беженцы разнесли заболевание по Ближнему Востоку: Месопотамии и Персии.

Египетский историк Аль-Макризи писал о начале опустошительной чумы в Египте: «На прибывшем из Константинополя в Александрию корабле из 32 купцов, 300 человек корабельной команды и рабов в живых сумели остаться лишь 40 моряков, четыре купца и один раб, да и те умерли тут же, в порту».

За Александрией чума приходит в Сирию и Палестину. Мусульмане уверены, что разозлили Аллаха, и, чтобы усмирить его гнев, несметные толпы паломников идут в Мекку, неся заразу на Аравийский полуостров.

В одном из пригородов Константинополя находилась генуэзская колония.

Именно оттуда чума проникла в Европу и вновь благодаря торговцам: генуэзские купцы на кораблях доставили ее на Сицилию в город Мессина. «Трупы оставались лежать в домах, и ни один священник, ни один родственник не решались войти туда. Могильщикам сулили большие деньги, чтобы те вынесли и похоронили мертвых. Дома умерших стояли незапертыми со всеми деньгами и драгоценностями, если кто-либо желал войти туда, никто не преграждал ему путь», - описывал это бедствие итальянский историк Микеле де Пьяцца.

Из Мессины генуэзские купцы были изгнаны, они поплыли домой, но прознавшие о том, какой «груз» они везут с собой, жители Генуи с помощью орудий отогнали суда в море. Опять вспоминается библейский сюжет, на этот раз - изгнание торговцев из храма.

Генуя еще два месяца оставалась свободной от чумы, но отметила Новый, 1347 год началом эпидемии, которая убила до ста тысяч человек.

Жители же Мессины спасались бегством. Многие из них умерли в дороге, выжившие добрались до Катании, где их ждал, подобно заразившим их генуэзцам, далеко не дружелюбный прием: катанцы не пустили их в город. Но это не уберегло и Катанию, население которой вскоре почти все вымерло. Чума распространилась по Сицилии, где сильно пострадали почти все города.

Из Генуи чума стала продвигаться вглубь Италии: Пиза, Пистойя, Перуджа, Сиена, Флоренция.

В Пистойе, подобно венецианскому карантину, приняли свои меры безопасности: хоронили в наглухо заколоченных гробах в могилах не менее полуметра глубиной. А в Перудже поступили совсем оригинально: эпидемию старались просто не замечать, надеясь, что так чума минует их. Напрасно надеялись.

Во Флоренции подскочили цены на питание, медикаменты, свечи и ритуальные услуги. И те лавочники, аптекари, священники и могильщики, кто остался жив, весьма обогатились. Особенно священники и могильщики: в городе погибло почти сто тысяч человек.

И именно из Флоренции, спасаясь от чумы, уезжают в загородное имение герои «Декамерона» Джованни Боккаччо, где они рассказывают друг другу занимательные, поучительные и местами фривольные истории, чтобы отвлечься от мыслей об эпидемии.

А сегодня подобные истории рассказываем друг другу мы, только в соцсетях, но тоже, чтобы отвлечься, сидя на карантине в четырех стенах.

Кстати, писал это произведение Боккаччо в зараженной Флоренции.

А злополучная Генуэзская эскадра оказалась живучей и подвижной, заразила еще и давший ей каким-то образом приют Марсель и опять была вышвырнута, после чего уже навсегда сгинула в водах морских. Марсель потерял чуть не половину населения.

С приходом чумы в Авиньон, где в те времена была резиденция папы римского, смертность в городе была так высока, что из-за нехватки земли папа Климент VI освятил реку, куда сбрасывали умерших. В Авиньоне погибла муза Петрарки Лаура.

В 1348 году через порты Барселоны и Валенсии чума атаковала Испанию, а вместе с ней и королевский двор: не пережили эпидемии арагонская королева Элеонора и кастильский король Альфонсо XI. В том же году в Париже от чумы умерла королева Жанна Бургундская.

Как в Италии и Франции, входной дверью для чумы в Англию стали порты. Первыми летом 1348 года болезнь приняли Саутгемптон и Бристоль, куда прибыли корабли из Кале: там шла война, а чума уже шла по Франции, а теперь и по Англии.

Шотландцы до поры до времени радовались морю в Англии, однако горы и виски не помогли, и к зиме болезнь дошла до них. Смертей было не меньше, чем у англичан, – страна потеряла треть населения.

В Ирландию чума проникла вместе с зараженным кораблем из того же Бристоля, но для ирландцев, как говорится, нет худа без добра: чума в большинстве своем уничтожила англичан, которые, как настоящие захватчики, сидели по крепостям, а ирландцы в высокогорных деревнях потерь почти не понесли.

Мор добрался до Скандинавии. Сперва пал норвежский Берген. К его берегам прибило английское торговое судно, полное груза шерсти и трупов команды. Местные воришки, поднявшись на борт, прихватили не только шерсть, но и чуму. За Норвегией последовали Швеция и Дания.

Шел 1353 год – последний год пика «черной смерти». Чума, накрыв Шетландские и Фарерские острова, достигла Гренландии, где нанесла такой сокрушительный удар по и без того немногочисленным местным поселениям, что те пришли в полное запустение.

После своего «северного похода» чума пошла на убыль.

Под конец она погостила и на Руси: в Москве, Смоленске, Пскове, Киеве, Чернигове, Суздале. В летописях говорится, что в Пскове было столько умерших, что не успевали рыть могилы и клали в одну по пять тел и отпевали всех одновременно. В следующем году чума достигла юга, где кончилась в слабозаселенных причерноморских и приазовских степях, именуемых Диким полем.

Вторая пандемия имела судьбоносные для всей планеты последствия.

Опустели города, сельхозугодья зачахли и заросли сорняком, а по предместьям Парижа бродили волки; демографическая ситуация в Европе стабилизировалась лишь к началу XIX века.

Катастрофическое сокращение населения пошатнуло вековые традиции. Многие закрытые ремесленные производства, где дело передавалось исключительно по наследству, теперь открылись для людей, не входящих в семью. То же происходило в сфере богослужения, образования, медицины, которые начали интенсивно развиваться.

Дефицит же мужчин вообще привел к тому, что женщин стали брать на работы, ранее запрещенные для них. Стирались сословные и гендерные границы.

Это же касалось низших классов, чей труд из-за отсутствия прежнего предложения рабочих рук стал более цениться. Батраки, привыкшие слышать слова «не нравится работа – вас здесь никто не держит, других найдем», теперь могли запросто торговаться с нанимателями за более высокую оплату и лучшие условия труда – других работников уже было найти непросто.

Кстати, такая дороговизна труда позже сыграла свою роль в изобретении и внедрении механизмов на производстве.

Упали цены на землю, недвижимость, аренду – в общем, все, как сейчас. И так же росли цены на продукты питания, но опять же по причине нехватки работников в сельском хозяйстве.

Более того, казавшееся незыблемым феодальное устройство затрещало. После крестьянского восстания 1381 года, начавшегося в Кенте и Эссексе и закончившегося подавлением в Лондоне, но перед тем принесшим с собой

сожжение дворцов и убийства представителей правящего класса, социальные перемены стали неотвратимы, и уже в начале следующего столетия крепостное право в Англии было заменено предоставлением крестьянам земли в аренду. И как тут не вспомнить расхожий исторический анекдот о том, что, когда в России спустя 461 год крепостным дали волю, в Лондоне уже полным ходом строилось метро.

Бунты прокатились по всей Европе, что тоже повсеместно привело к уничтожению барщины и создало предпосылки для грядущих буржуазных революций.

Полная беспомощность священников, от которых народ ждал чудес в борьбе с пандемией, подорвала могущество церкви, ее безоговорочную власть над сознанием людей. Это во многом стало причиной для будущей Реформации, которая сыграла колоссальную роль в смене феодализма капитализмом, что целиком изменило экономическое устройство мира.

Испанка

Грипп – заболевание, которое вызывается вирусом гриппа. Вирус отличается изменчивостью антигенной структуры, постоянно появляются его новые варианты. Грипп передается от больного человека воздушно-капельным путем, отличается высокой восприимчивостью. Проникая в организм через дыхательные пути, вирус гриппа встраивается в эпителиальные клетки, вызывая их некроз и гибель. В редких случаях в острый период заболевания за счет токсического действия вируса, который повреждает микроциркуляторное русло таких органов, как мозг, легкие и сердце, могут возникать такие осложнения, как судорожный, гипертензивный синдром, отек легких, острая сердечная недостаточность. Кроме того, повреждая клетки, вирус облегчает проникновение в организм бактерий, и могут возникать ранние бактериальные осложнения, которые утяжеляют состояние больного. Для гриппа характерна высокая температура, симптомы интоксикации.

Проснувшись утром 11 марта 1918 года, повар военного лагеря Фанстон, штат Канзас, Альберт Гитчелл понял, что такую невыносимую боль в горле раньше он

никогда не испытывал. Встав с кровати, он почувствовал дикую слабость и еле добрался до медпункта, где ему измерили температуру. Альберта тотчас госпитализировали: градусник зашкаливал на отметке более 40 градусов.

Вскоре на пороге медпункта появились еще несколько мужчин с такими же симптомами, а к вечеру госпиталь Фанстона был уже забит пациентами с жуткими болями в горле, кашлем и ознобом: легкомысленный повар мог заразить их, просто чихнув на приготовленную им пищу.

Есть другая версия начала пандемии: мир заразила хрюшка. Свиному штаммом вируса мог использовать тот же Гитчелл для своих кулинарных дел.

В 1918–1919 годах, пока испанка гуляла по планете, погибли от 50 до 100 миллионов человек, заразились же около 550 миллионов, что тогда составляло почти треть населения планеты. Тут надо отметить, что, как и в случае с COVID-19, болезнь часто проходила без каких-либо симптомов.

Как бы то ни было, официально нулевым пациентом был признан Альберт Гитчелл. С него и началась пандемия, погубившая больше людей, чем две мировые войны, вместе взятые, – испанка.

Кстати, сам Альберт Гитчелл выздоровел и прожил долгую и счастливую жизнь, став пивоваром и ресторатором.

Изначально же в лагере Фанстон этой тяжелой формой гриппа заразились около пятисот военных, несколько умерли. Ну и что? Подумаешь – простуда, это же не осколок шрапнели, и всех выздоравливавших и не очень солдат быстро отправляли на фронты Первой мировой. А прибавьте к такому огромному скоплению людей еще и жуткие антисанитарные условия в окопах – трудно представить себе более благодатные условия для развития эпидемии.

Шла Первая мировая война, и в лазаретах лежали тысячи немецких, французских, британских и американских солдат, но не с ранениями, а с испанкой.

Лишь к концу июня 1918 года охваченная пандемией Испания – нейтральная в войне страна – первой заговорила о заболевании. Вот почему этот грипп назвали «испанка».

Испанские газеты только и писали, что о болезни и о постоянно растущем числе ее жертв; общественные места – школы, кафе, церкви, театры, различные собрания – закрыли; вход в транспорт без марлевой повязки был запрещен. Все как сегодня, только без электронных пропусков и штрафов.

Однако для того чтобы не сеять панику на передовой, страны-участницы дружно молчали о страшном гриппе.

В октябре 1918 года практически не осталось места на планете, куда бы ни проникла испанка: солдаты перемещались на другие фронты или возвращались домой, волоча за собой смертоносное заболевание.

Так, в Индии умерли 17 миллионов человек – примерно 5 % населения, в Иране и Самоа – 20 % жителей. А в самих США, откуда все пошло, умерли 675 тысяч, а переболели до 20 миллионов человек.

У испанки была странная особенность. Более незащищенными оказались не старики и больные со слабым иммунитетом – жертвами испанки в большинстве своем становились здоровые люди 20–30-летнего возраста.

Только в конце XX века ученые смогли объяснить этот парадокс.

Испанка, как я уже отмечал, проникла во все города и веси Земли, даже к эскимосам на Аляску. Именно условиями местного климата воспользовался американский патолог Йохан Халтин, когда в начале 50-х предпринял попытку «достать» вирус испанки из ее жертв, похороненных во льдах городка Бреви́г, где из 80 жителей выжили только восемь. Но тогда ему это не удалось.

Десятилетия спустя были открыты новые способы извлечения вируса из тел, и в 1997 году Халтин вновь приехал в Бреви́г. Врубаясь в вечную мерзлоту киркой, 73-летний патолог (сейчас он в добром здравии и ему 96) обнаружил останки женщины, чьи легкие целиком сохранились. Это позволило американским

ученым воссоздать генную структуру испанки.

Выяснилось, что, попадая в организм, вирус (его назвали N1H1) вызывал сверхактивный цитокиновый шторм.

Этот сверхактивный шторм провоцировал воспаление всех тканей, после чего у иммунной системы начиналась паника и она старалась всеми способами убить своего мнимого врага, на самом же деле уничтожая организм человека.

Благодаря этой особенности вируса, например, выжил блиставший своими картинами, но не здоровьем Эдвард Мунк: он заболел испанкой в 55 лет. Знаменитый писатель Франц Кафка, который страдал туберкулезом, тоже заразился испанкой и остался жив. Их не слишком активная иммунная система не выдала в ответ на вирус губительную сверхреакцию.

Испанка сошла на нет, когда сам вирус привел к исчезновению породившей его среды.

Потери от нее, не сравнимые даже с потерями на поле боя, к осени 1918 года были столь велики, что именно это многие историки называют одной из основных причин завершения Первой мировой войны.

Именно тогда человечество начало переосмысливать задачи, цели и саму работу здравоохранения, которое постепенно становилось общедоступным. Появились министерства здравоохранения, выделенные из состава других департаментов, куда они на вторых ролях входили прежде.

Всемирный размах пандемии показал, что здравоохранение необходимо координировать всем странам сообща: закрытие границ, в чем мы сегодня опять убедились, не сдерживает роста заболеваемости. Так, в Вене в 1919 году заработало Международное бюро по борьбе с эпидемиями, а в Лиге Наций – отдел здравоохранения, которые позже заложили основу Всемирной организации здравоохранения.

Холера

Холера – инфекционное заболевание, которое вызывается бактерией под названием холерный вибрион (лат. *Vibrio cholerae*). Возбудитель холеры длительно сохраняется в воде, устойчив к действию низких температур. Передается преимущественно водным путем, но также пищевым и контактным. Источником инфекции может быть как больной, так и бессимптомный носитель. Вибрионы размножаются в тонком кишечнике, выделяя токсины, которые приводят к развитию неукротимой диареи, повышается проницаемость клеточных мембран. В отличие от других кишечных инфекций, при холере не поднимается температура, нет выраженных болей в животе. Просто организм стремительно теряет жидкость и электролиты с неудержимым жидким стулом. Падает артериальное давление, появляются судороги, нарушается работа сердца и внутренних органов, и человек может погибнуть от обезвоживания.

Почти все холерные пандемии родом из Индии, если точнее – из бассейна реки Ганг. Жара, прибрежные болота, перенаселенные берега, тотальная антисанитария (отходы – в реку, а вода из реки – в пищу), да еще и миллионные паломничества и ритуальные омовения, после которых паломники разносят заразу по всей Индии и за ее пределы, создали идеальные условия для холерных вибрионов.

История знает семь пандемий холеры. Но это заболевание, несмотря на все усилия врачей, и сейчас то и дело вспыхивает в районах с антисанитарными условиями в Африке, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, а таких районов в этих регионах великое множество.

До пяти миллионов человек заболевает ежегодно, 100–200 тысяч умирают.

О холере известно еще с «доновоэровских» времен, о ней писал отец медицины Гиппократ. С 1817 года по миру прошло семь холерных пандемий.

В 1817 году, начавшись рядом с Калькуттой, первая пандемия холеры охватила всю Азию. Только в Бангкоке погибли 30 тысяч жителей.

Походы британской армии содействовали распространению заболевания в Афганистан и Непал. А военные и торговые корабли Британии перевозили заразу от Африки до Индонезии. Вскоре холера уже была в Китае и на Цейлоне.

В Европу заразе не позволила попасть лишь невероятно холодная зима 1823–1824 годов, когда даже южные реки сковало льдом, и холерные вибрионы погибли.

Массивный бросок холеры в 1826–1837 годах из Индии через Западную Азию до Европы, Америки и Японии – такова география Второй холерной пандемии.

Не осталась в стороне и Россия: в 1829 году караван из Бухары занес холеру в Оренбург. А в следующем году случилось новое проникновение холеры: из Египта в Астрахань ее занес военный бриг. Затем по Волге болезнь дошла до Москвы, чему во многом способствовали бурлаки.

Была отменена Нижегородская ярмарка – по тогдашним меркам грандиозное торговое событие.

За эти два года в России переболело более полумиллиона жителей, 230 тысяч умерло.

В том же году впервые холера проникла на Украину, чему поспособствовали солдаты, возвращавшиеся с русско-турецкой войны.

Во многих российских городах из-за строгих карантинных мер вспыхивали «холерные» бунты: как и сейчас, такие ограничения останавливали работу, торговлю, что вело к обнищанию народа. Другой причиной бунтов стало невежество: люди полагали, что врачи, которые дезинфицировали колодцы, наоборот, отравляют воду, и расправлялись с ними на месте и даже врывались для этой же цели в больницы. Две следующие холерные пандемии также вызвали ненависть народа к врачам. В итоге таких бунтов погибли почти 500 медицинских работников.

Третья холерная пандемия (1846–1863) стала самой смертоносной пандемией в XIX веке. Только в России погибли более миллиона человек. Для эффективной и слаженной борьбы с таким размахом заболевания в Париже в 1851 году представителями 12 европейских стран была принята Первая Международная

санитарная конвенция.

А один из основателей эпидемиологии британский врач Джон Сноу при изучении вспышки холеры в Лондоне в 1854 году первым обнаружил, что холера распространяется через зараженную воду, а не по воздуху. Проанализировав район заболевания, Сноу установил, что источник заражения – определенная колонка с водой. Открытие Сноу, помимо спасения жизней, послужило реконструкции и улучшению водопровода и канализации.

Четвертая пандемия (1863–1875) отличилась чрезвычайно быстрым распространением болезни из Индии в Европу через открытый в 1869 году Суэцкий канал: теперь на это понадобился не год, а неделя. Торговые корабли разнесли заразу во Францию, Италию, Испанию.

Пятая пандемия (1881–1896) была ознаменована крупнейшими научными открытиями и тем, что впервые вспыхнула за пределами Индии – в Египте.

Немецкий микробиолог Роберт Кох в 1883 году выделил возбудителя болезни – холерный вибрион, обозначив главное условие его живучести: жидкую среду.

Именно во время пятой пандемии ученик Ильи Мечникова, бактериолог, иммунолог и эпидемиолог российского происхождения Владимир Хавкин в 1892 году создал и, испытав на себе, внедрил в широкое применение первую эффективную противохолерную вакцину.

В то время Хавкин работал в Индии, где прививки получили десятки тысяч человек. Он организовал в Бомбее лабораторию, которая позже превратилась в крупный исследовательский центр бактериологии и эпидемиологии. Этот центр там называют Институтом имени «Махатмы» Хавкина, а самого Хавкина величали Доктор Махатма, что означает выдающийся человек.

Врач Антон Чехов писал, что для борьбы с холерой в России надо было использовать вакцину Хавкина, но, «к несчастью, В. Хавкин в России непопулярен». Какая уж там популярность – преследуемый за революционную деятельность, в 1888 году Хавкин уехал в Европу. Что ж, и тогда, и сейчас идеология оказывается намного важнее человеческих жизней.

Шестая пандемия – самая долгая, тянулась с 1899 по 1923 год.

Снова пришла из Индии, захватив все континенты. На этот раз причиной стал не вибрион *V. cholerae*, который считали единственным возбудителем холеры, а открытый в 1905 году немецким бактериологом Феликсом Готшлихом вибрион Эль-Тор, обозначенный так по названию карантинной станции на Синайском полуострове, где Готшлих его обнаружил.

После этой пандемии приняли международные карантинные законы, и холера, занесенная из Индии, уже не имела таких масштабов.

Седьмая холерная пандемия (1961–1975) началась в Индонезии и теперь уже в обратном направлении пришла в Индию, а также Пакистан, несколько африканских стран и Советский Союз.

Кстати, у руководства СССР в 1965 году получилось скрыть от мирового сообщества значительную вспышку заболевания в Каракалпакской АССР (в СССР, как и сейчас, холеры нет!). Но с Одессой уже так не вышло, и одесский карантин 1970 года стал по-своему знаменит. Кстати, именно на фоне эпидемии холеры в городе у Черного моря происходит действие фильма Валерия Тодоровского «Одесса».

COVID-19

Коронавирусная инфекция – это заболевание, которое вызывается вирусом, принадлежащим семейству *Coronaviridae*. Передается вирус преимущественно воздушно-капельным и контактным путем от больного человека и – не исключено – от здорового носителя. Вирус проникает через верхние дыхательные пути, вызывая иммунные нарушения и гипоксию, приводящие к поражению многих органов-мишеней: сердца, почек, желудочно-кишечного тракта. Основные симптомы при данной инфекции – повышение температуры до 39–40 градусов, выраженная слабость, снижение аппетита, сухой кашель, также возможна временная полная потеря обоняния (этот симптом может быть вызван как поражением слизистой оболочки носоглотки, так и определенных отделов ЦНС). При тяжелом течении возможны массивные поражения легочной ткани, сепсис и септический шок, приводящие к летальному исходу.

Мы не ставили перед собой задачу осветить всю историю эпидемий. Этому вопросу посвящено множество книг. Наша задача заключалась в другом: показать на нескольких примерах, как вирусы влияли на историю народов, стран, континентов и всего мира.

COVID-19 – самая «влиятельная» пандемия нового века – тоже переделывает сегодня судьбы мира.

Самое ценное в повествовании о подобного рода событиях – не прогнозы и мнения экспертов, а рассказы свидетелей, очевидцев, участников событий.

Рассказывает переболевший COVID-19 Александр:

«Я выписался из больницы пять дней назад (конец апреля. – Прим. ред.), чувствую себя хорошо. Единственное, что беспокоит, – при физической нагрузке пока появляется небольшая одышка.

С того момента, когда я почувствовал себя плохо, и до госпитализации прошла неделя. Сначала было небольшое повышение температуры до 37,1 и слабость. Слабость становилась все заметнее, а температура понемножечку ползла вверх – 37,2, 37,3, пока градусник не показал 38. На третий день я потерял обоняние. Никаких других жалоб не было. И когда температура подобралась к 39, вызвал городскую скорую.

Но та меня отфутболила. Спросили о симптомах, задали протокольный вопрос, был ли я в Китае, Испании, Италии или в контакте с кем-то еще, и, получив отрицательный ответ, сказали обратиться к участковому врачу.

Тогда я вызвал платную скорую помощь. Приехали, послушали – пневмонию обнаружили. Передали мои контакты в городской центр, не помню какой, чтобы провести тестирование на коронавирус. А часа три спустя, без предупреждения, ко мне все-таки приехала городская скорая и госпитализировала. Вот так, окольным путем, через платную медицину, я попал в больницу.

Перед этим, кстати, я поинтересовался, обязательна ли госпитализация. Врач ответил, что нет, можно остаться дома, но легкое не дышит как следует, есть

риск и лучше не отказываться.

И вот еще какое обстоятельство. Я попросил врача платной скорой послушать мою жену, и у нее обнаружили бронхит. А городская скорая слушать ее не стала. На нее не обратили внимания вообще. Какой абсурд!

Действующий протокол не предусматривает внимания к родственникам, которые живут с тобой. И, напомним, городская скорая сперва вообще не приехала! То есть тот же протокол позволяет игнорировать обращения, кроме самых явных коронавирусных. А ведь при таком подходе можно гарантированно ожидать, что тысячи заражений пройдут незамеченными до тех пор, пока у людей не будет резких симптомов. То есть во многом рост эпидемии спровоцирован таким протоколом обращения с потенциальными пациентами. Их игнорируют. А это геометрическая прогрессия заражений, причем скрытая.

Возможно, это негласная установка: мы справимся, количество заболевших все равно будет увеличиваться, а так мы будем постепенно фиксировать больных и растянем время.

И еще один момент. На коронавирус проверяют низкокчувствительными тестами, а это все равно что монетку подкидывать – орел или решка.

Есть известное английское выражение duck test – «утиный тест»: если это выглядит как утка, плавает как утка, и крякает как утка, то это утка. И здесь то же: если это симптомы как у коронавируса, течение как у коронавируса, и последствия как у коронавируса, значит, это коронавирус.

Мой тест, например, дал отрицательные результаты три раза. И диагноз в эпикризе ох какой запутанный. «Внебольничная двусторонняя пневмония вирусной этиологии, в том числе обусловленная COVID-19, умеренной степени тяжести».

Жене, кстати, поставили диагноз «воспаление легких», обычное, без коронавируса. У нее не было температуры высокой, где-то 36,8, и она дома переболела.

Но даже этих «утиных» тестов не хватает на тех, кому действительно нужно пройти диагностику. Поэтому статистику, как очень тихо говорят врачи, нужно умножать на десять. Тот метод измерения, который применяется, настолько ненадежен, что ко всем этим данным не стоит относиться серьезно.

По крайней мере, так было в апреле. Как сегодня, не знаю, надеюсь, все поменялось в лучшую сторону. Поэтому я сейчас скорее не критикую, а просто свидетельствую для истории.

Так вот, меня забрали в срочно перепрофилированную под пандемию ведомственную больницу МВД имени Семашко на Шоссейной улице, 43. Даже врач скорой помощи удивился, узнав, что в эту больницу уже можно везти, ведь за день до этого коронавирусных пациентов там еще не принимали, и я был в числе первых поступивших туда с коронавирусом.

В приемном покое пришлось провести в очереди два с половиной часа: было очень много новозараженных, каждому нужно пройти и компьютерную томографию, и забор крови, и мазок. Забор крови осуществляли неопытные девушки, вероятно, практикантки, очень торопившиеся. Весь пол был заляпан пятнами крови. У меня кровь долго не останавливалась, синяк больше недели не сходил, то есть в вену попали не сразу.

Потом, в палате, уже квалифицированно взяли кровь, очень аккуратно, четко. Врачи, медсестры, персонал – все были в защитных костюмах: балахоны, бахилы, маски, перчатки – полный комплект. И так на протяжении всего моего пребывания в больнице.

Палата была оборудована не ИВЛ, а подачей кислорода для дыхания носом через трубочки. Плюс тревожная кнопка. В туалете даже было биде, что весьма изысканно.

Кормили хорошо, из одноразовой посуды, как в самолете. Блюда очень разнообразные: каждый день что-то новое, повторяется только через три-четыре дня. Но это московская клиника, в других городах и всях все далеко не так.

Вентиляционные решетки были полностью заклеены целлофаном и в туалете, и в палате. Из палаты выходить нельзя. В больницу ничего передавать нельзя. В палате нас было четверо в разном состоянии, но не тяжелом. Двоих перевели после недельного пребывания в другой больнице. Насколько там их адекватно лечили, трудно сказать, во всяком случае, они проходили повторный курс лечения.

Больница – 300 коек – заполнилась в первые три дня. Да, авральный режим чувствовался. Назначения лекарств осуществлялись консилиумом в ночное или утреннее время по текущим показаниям анализов крови, компьютерной томографии и замерам температуры, пульса и сатурации – насыщенности крови кислородом.

Лекарства распределялись в коробочки централизованно, поэтому дежурные медсестры не знали их названий, и я мог лишь догадываться, что мне дают антибиотики, что-то противовирусное. И, как я узнал позже, посмотрев эпикриз, делали уколы антикоагулянта. Каждый день назначения могли подтверждаться и оставаться прежними, а могли меняться. Раз в день приходил дежурный врач, спрашивал о самочувствии, измерял температуру и сатурацию. Если были какие-то особые жалобы, они фиксировались.

Да, специфическое лекарство не найдено, но общие противовирусные препараты, антикоагулянтное средство (потому что вирус поражает еще и через кровь), антибактериальная терапия – все это помогает, являясь адекватным методом лечения в такой ситуации. Пневмония излечена, бактериальная составляющая убита. Вирусная тоже насколько возможно.

Когда появились первые симптомы, о которых я уже рассказывал, я соблюдал режим изоляции более двух недель. Значит, заразился я до, и такой долгий инкубационный период был. Например, мои знакомые находились на самоизоляции четыре недели, вдруг у них начала повышаться температура, пропадать чувствительность к запаху, появилась слабость – симптомы, полностью похожие на мои. Следовательно, инкубационный период в некоторых случаях вообще длится месяц.

Я выходил на улицу в маске. Мыл руки после лифта, после ручек подъезда. Выезжал в город на своей машине. Заходил в пустой супермаркет в ночное время. Использовал дезинфекционное средство. Соблюдал все меры предосторожности, какие только возможно.

Пока не узнал точно, что подцепил коронавирус, никому ничего не говорил. Но в больнице я разместил пост в Facebook, чтобы люди знали об этом. Информация нужна. Другое дело – паника. Я плохо отношусь и к панике, и к отрицанию. Есть два полюса. Один полюс – отрицание опасности, то, что это обычный грипп, и смертность как, скажем, в ДТП. Но не будем же мы каждые сутки публиковать число погибших в автокатастрофах. И, как следствие, выводы, что не надо так напрягаться по поводу коронавируса, давайте забудем на это дело. Так люди себя вводят в интеллектуально дурное состояние, чтобы не сказать «ведут себя как идиоты».

Другой полюс – постоянное отслеживание последних данных о заболевших и т. п. Это невротическая фиксация на угрозе, чего следует избегать. Не надо трястись по каждому поводу, но необходимо вменяемо и серьезно относиться к опасности.

Переболеть ковидом – огромный стресс, и после стресса обычно происходят какие-то изменения на уровне восприятия.

Во-первых, это не лишнее напоминание о хрупкости мира и хрупкости жизни. Хотя я всегда с памятью об этом живу. Но здесь она обостряется. Хрупким становится даже традиционный, привычный уклад, включая разные мелочи.

И не обязательно попасть в цунами или автокатастрофу – вдруг что-то происходит в далекой от тебя стране, в далеком Китае, и в течение нескольких недель меняет всю твою жизнь.

Я вижу: сейчас еще стадия отрицания опасности. Отрицание, переходящее в агрессию. Такая смесь отрицания и агрессии, ругани в социальных сетях. Такая вербальная агрессия без адреса или с адресатом в виде властей, которые чего-то не понимают якобы. Агрессия на медиков, политиков, журналистов, да на кого угодно, лишь бы сделать агрессивный выброс.

Изоляция, ограничения невольные, вынужденные, конечно, на меня действуют. Мне остается только принять это и свое состояние и жить уже с поправкой на стресс. Не пытаться его ничем замазать, замаскировать. Это компонента постоянная. Действует на меня. Признаю.

Но, так как это длится на протяжении недель, день за днем, то, конечно, это непривычно. Такой стресс непривычен. Мы больше привыкли к стрессу, который связан с какими-то разовыми краткосрочными воздействиями, – что-то взорвалось, что-то загорелось. А здесь такая волна, которая никак не может схлынуть, а только нарастает. Это другой стресс без резкого воздействия, а потом расслабухи.

Есть социально-психологическое исследование безработных, проведенное на протяжении многих лет, которое показывает, что, когда человек теряет работу, он теряет не просто занятость и зарплату, а еще протокол жизни. То есть работающий человек каждый свой день, а то и год держит перед собой уже расписанным как протокол. Протокол ритма, определенности, упорядоченности времени.

Так, у безработных потеря такого протокола приводит к целому ряду проявлений: депрессия, апатия, нежелание двигаться, вставать с постели, что-то делать, куда-то выходить. Размазанный день, размазанное время. И человек, потерявший работу, очень быстро теряет ориентиры во времени и в окружающем мире.

Продолжительные нерабочие дни, вдруг так незапланированно свалившиеся, – это очень близко (не для всех, но для многих) к ситуации такого размазанного времени.

Зарплата может сохраниться, но психологически вот это размазанное время очень опасно. И какого-то явного на эту тему сценария действий у нас просто нет. Это не выработано и не могло быть выработано, потому что не было таких ситуаций. Как с этим поступать, можно только экспериментировать и придумывать. Это живой процесс, его надо живым образом конструировать. Пока не было такого конструирования.

Поэтому феномен размазанного времени – один из факторов психологического неблагополучия, за которым потянутся последствия. Могут возрастать агрессивность, домашнее насилие и т. п.

Все, что разрушает течение жизни и вносит полную неупорядоченность, конечно, и есть фактор стресса.

И сейчас именно это происходит. Распорядок жизни разрушен. Не нарушен, а именно разрушен. Он обнулен.

У нас настало особое обнуление – обнуление протокола».

Глава 3. Добро пожаловать на фронт

Мой знакомый доктор как-то сказал: «Врач не может быть другом. О нем вспоминают, только когда плохо, когда нужна помощь». Кажется, это высказывание справедливо и к той ситуации, которая сложилась в нашем здравоохранении и в нашем сознании перед новым вызовом, которым стал С-19.

Вспоминается Рэй Брэдбери.

«Мне приснился сон. Что скоро все кончится, и еще так сказал голос. Совсем незнакомый, просто голос, и он сказал, что у нас на Земле всему придет конец. Наутро я про это почти забыл, пошел на службу, а потом вдруг вижу – Стэн Уиллис среди бела дня уставился в окно. Я говорю – о чем замечтался, Стэн? А он отвечает – мне сегодня снился сон, и не успел он договорить, а я уже понял, что за сон. Я и сам мог ему рассказать, но Стэн стал рассказывать первым, а я слушал».

Такое же ощущение, кажется, испытываем все мы, когда каждый день открываем новости и читаем о новых десятках тысяч заболевших коронавирусом.

Чехов писал: «Профессия врача – это подвиг, она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов».

В сложившихся условиях нам не поможет ни политика, ни экономика, ни вооружение.

Именно этому и посвящена данная книга. Она призвана рассказать о подвиге врачей и волонтеров, которые прямо сейчас, в самое трудное для всех время, спасают людей.

Подвиг как личный выбор

Гете писал: «Подвиг – это все, кроме славы». Сложно не согласиться со столь точным определением. Героизм, наверное, – одно из немногих понятий, которое очень сложно возводить на коллективный уровень. Подвиг – это всегда про одного, про личный выбор, про собственный путь. И каждый, кто идет именно своим путем, – уже герой, каждый, кто делает то, что в его силах, – тоже герой. Ради чего? Ради близких, родных и ради совсем незнакомых людей, ради того, чтобы наш мир и дальше существовал. Помните, как у Высоцкого: «шар земной я вращаю локтями» – вот это и есть героизм, когда ты сам заставляешь земной шарик крутиться.

Поправка к клятве Гиппократ

А что насчет официального признания? Если взять Великую Отечественную войну, мы знаем имена маршалов, многих офицеров, солдат. Сколько их? Сотня? Две? Несколько тысяч? По официальной статистике, в войну погибло наших соотечественников: 8,6 миллиона человек – военные потери, гражданские – до 28 миллионов. Спрашивается, насколько малый процент признанных героев мы имеем?

Напомню: мемориальный комплекс «Могила Неизвестного солдата» в Москве был открыт только в 1967 году.

То есть потребовалось более двадцати лет для того, чтобы увековечить память тех героев, о которых мы ничего не знаем. Не будем спрашивать, справедливо это или нет, – это, видимо, данность историческая.

И все же. Историческая это закономерность или нет, но я как автор этой книги вижу своим долгом поднять тему медицинского подвига в борьбе с пандемией коронавируса. Один из врачей который помогал мне в сборе материала, сказал: «В первые же дни пандемии я понял, что происходит нечто историческое, глобального масштаба. Осознание того, что я должен быть там, пришло немедленно. Многое пришлось пережить за это время. Не только плохого и страшного. Его даже меньше. А вот хорошего как раз таки намного больше. Я вдруг увидел, что все мы братья. Звучит пафосно и с патетикой, но это так. Мы, люди, перед лицом катастрофы все голые и беззащитные. И единственная возможность выжить – это осознать, что надо объединяться и отбросить все наши различия, разность политических взглядов, убеждений, верований. Нас спасут только любовь, уважение и забота друг о друге. Без этого наш мир рухнет. И если я что и вынес для себя, то именно это новое для меня понимание. Когда-нибудь я расскажу своему сыну, что работал во время пандемии. И сделаю это не для бахвальства, а именно для того, чтобы объяснить ему важнейшие в этой жизни вещи».

Если бы можно было чуть дополнить клятву Гиппократу, я бы предложил внести в нее именно эти слова о том, что медицина объединяет людей, для нее нет цвета кожи, идеологических различий. Для нее есть люди.

И это и есть суть медицины.

«Список памяти»

По сообщению портала «Медуза», «в России медики умирают от COVID-19 намного чаще, чем остальные жители. Почти в пять раз». Далее то же издание сообщает: «Глава Росздравнадзора Алла Самойлова заявила, что с начала эпидемии ковида в России от болезни умерли 489 медицинских работников (позже пресс-служба ведомства заявила, что цифры, о которых она говорила, – неофициальные). В 147-миллионной России, по данным Росстата, в 2019 году было 2,14 миллиона медицинских работников (в это число входят врачи, средний и младший медицинский и фармацевтический персонал). При общем количестве 7660 смертей от коронавируса в России это означает, что медики умирают от

болезни почти в пять раз чаще, чем остальные жители РФ. При этом в конце мая – спустя более двух месяцев после начала эпидемии – глава Роспотребнадзора Анна Попова утверждала, что смертность среди медработников не выше, чем в среднем по стране».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/sokolov_yaroslav/uznat-po-glazam-istorii-o-tom-cto-pod-kazhdoy-maskoy-b-etsya-dobroe-i-otzyvchivoe-serdce

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)